

МИХАИЛ СТЕПАНОВ

ВОТ МОЙ МИР
БЕЗ ГРАНИЦ И БЕЗ ДНА...

* * *

На двухтысячный год от рожденья Христова
За столом, где собрался досужий народ,
Не раздольная песня, не мудрое слово —
Новорусский привычно звучал анекдот:

“Старый дед, безрассудно судьбою играя,
“Мерседес” “Запорожцем” царапнул слегка.
“Тут и нечего взять, — огорчился хозяин, —
Что с такого возьмёшь?” — и убил старика”.

Все смеялись и были как будто бы рады,
Что не их эта лютая смерть унесла,
Что не слышно сирен из славянского града,
И вонзится не в них “Томагавка” игла.

Посмеявшись, в коробку уставили лица
И узрели за час поруганье святынь,
Облик зверя, на коем воссела блудница,
И паденье звезды, что зовётся “полынь”.

СТЕПАНОВ Михаил Евграфович родился в городе Махачкала в 1948 году. Вскоре семья вернулась в Московскую область. С тех пор живёт в селе Большие Вяземы. Окончил мехмат МГУ, преподаёт математику в вузе. Особенно интенсивно начал писать стихи, когда развалили Советский Союз. Это помогло пережить трагедию страны и народа.

* * *

Давно ли миновал тот час?
Алели стяги.
С плакатов вглядывалось в нас
Лицо трудяги.

А ныне, глянцем стрекоча,
Пророчат беды
Личины вора, палача
И людоеда.

Но если выстоит в бою
Народ великий,
То озарят страну мою
Святые лики.

* * *

На нищенском столе
Сияла крошка хлеба
И жаждала Земле
Поведать тайны Неба.

Незримые лучи
Тепла струились в хату,
Того, что хлеб в печи
Впитал в себя когда-то.

Светила над столом
Ходили чередою,
Гремел весенний гром,
Морило летним зноем,

Осенний лес алел,
Зима мела снегами,
И снова мир гремел
Весенними громами.

Был в хлебе запечён
Витком спирали млечной
Вселенский круг времён,
Размеренный и вечный.

В тот круг вовлечены
И вплетены друг в друга
Бег Солнца и Луны
И путь коня и плуга.

Упав в отцовский прах,
Тугие зёрна злака
Сомкнулись в небесах
С огнями зодиака.

И каждый, чьи уста
Касались крошки хлеба,
Причастье обретал,
Сливаясь с плотью Неба.

* * *

В первый класс на Большие Вязёмы
Шёл я, помню, осенней порой.
И сиял у усадьбы знакомой
Парк старинный листвою золотой.

От блаженства душа изнывала,
И не мог я, мальчонка, понять,
Что Россия, подняв покрывало,
Мне являла свою благодать.

Но с тех пор соразмерностью храма,
Гладью вод, очертаньем листа
И палатами Пиковой Дамы
Приходила ко мне красота.

Здесь с отцом я гулял у запруды.
Он повёл, как волшебник, рукой,
И свершилось великое чудо —
Не запруда, а берег морской.

Не на горке стоял, а на взгорье
Остов дуба, засохший давно.
И промолвил отец: “Лукоморье...
Посмотри-ка, да вот же оно”.

Знать, недаром к вязёмскому шлюзу
По Смоленке катилась орда
Алчных немцев, поляков, французов
Из Европы в лихие года.

Но у стен златоглавого града,
Растворившись в огромной стране,
Каждый раз погибали армады.
И Вязёмы оставили мне.

Я владел полновластно землёю
И, овраг истоптав за мостом,
Лишь под вечер, довольный собою,
Возвращался в бревенчатый дом.

Чёрный диск патефонный вращался,
Что-то щёлкало тихо внутри,
И ликующий вдруг раздавался
Глас: “Ты, солнце святое, гори!”

* * *

Опять в постылейшей электричке —
Могиле братской —
Телами сжатый,
С безмолвным воплем: “Сарынь на кичку!” —
Слюнявя лацкан,
Вишу распятый.

Копьё Лонгина — проворный локоть
Дырявит тело
Соседа справа.

Лицо укрыла удушья копоть,
В мозгу опрелом
Зудит: “В-в-в-а-р-р-р-а-в-в-в-а...”

На стыках дрябло трясутся туши,
Сгибают оси
Крутым изломом.
И без опоры тела и души
Свисают косо
К нутру земному.

Простор окрестный без всякой цели
Измят и кем-то
В окошко брошен.
Деревьев палки, оврагов щели,
Помоек ленты...
Он тоже скошен!

И ось планеты скрипит натужно:
“Сарынь на кичку...”
Земля вздыхает.
Она обвисла щекой недужной,
И электричка
С неё стекает.

* * *

Потеряла Божья Матерь Сына
И пошла Его искать по свету,
Исходила горы и долины,
Да нигде Её Сыночка нету.
 Побрела Она в иные страны,
 За моря, за горные вершины.
 Может, там студёные бураны
 От очей Её скрывают Сына.
Без пути блуждает в поле белом,
Сходится с упрямою пургою.
Та в лицо Ей часто мечет стрелы
Да грозитя дальним волчьим воем.
 Вдруг выходит хата ей навстречу
 И зовёт войти скрипучей дверью.
 В этой хате коротает вечность
 Одиноко старая Лукерья.
Смотрит бабка блёклыми глазами,
В трещинах морщин сочатся слёзы:
— Что ты бродишь, дочка, под снегами
В лютые метели да морозы?
 Отвечает старой Матерь Божья:
— Я Сынка, бабуля, потеряла
 И бреду за Ним по бездорожью
 Сквозь пургу и снежные завалы.
— Я ведь тоже семерых сыночков,
Семерых кровинушек вскормила.
Светлым днём за них и тёмной ночью
Я тебя, Пречистая, молила.
 Да настала вдруг година злая,
 Ворог шёл, свиреп и беспощаден,
 Послала соколиков сама я
 Защитить родимый край от гадин.

Вот и жду я днём и тёмной ночью,
Терпеливей, чем холодный камень.
Оставайся здесь со мною, дочка.
Даст Господь, и свидимся с сынками.
И осталась Матерь Божья с нею,
Избрала студёный край Престолом.
А кругом шальные ветры веют,
И пурга лютует в поле голом.
Да не век же быть зиме суровой,
С мороком метельным сладит солнце.
И увидит Божья Матерь снова
Сына сквозь небесное оконце.
Рядом с Ним, забыв земную муку,
Семеро бойцов небесной рати...
А покуда у Лукерьи руку
Нежно лижет ласковый телятя.

* * *

Вот мой мир без границ и без дна.
В нём ветра сквозняками гуляют
И меня, как вертушку, вращают,
Не давая покоя и сна.

Вот мой мир, одуряюще тесный,
Накрывают тюремные своды.
Я зажат, не имея свободы,
Меж земною доской и небесной.

Вот мой мир беспросветного зла.
Всё на нитке подвешено тонкой.
Здесь убьют старика и ребёнка
И, как Господа, славят козла.

Вот мой мир, где летят облака,
Где осенние листья пылают,
Где загадочно звёзды мерцают,
Где несёт свои воды река.